

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОДХОДЫ И ПОНЯТИЯ

Статтю присвячено досі зовсім не дослідженій у вітчизняній історіографії проблемі – історіографічному процесу в регіональному вимірі. Автор пропонує і вводить вперше до наукового обігу ряд понять, а також застосовує спеціальну термінологію, що дає можливість вивчати історіографічний процес з огляду на його територіальні складові. Дослідження теоретико-методологічних проблем історіографії слугує підвищенню рівня опанування регіоналістики.

*Я собираю обрывки фактов, лоскутья былей и
тку из них повести по канве Предопределения.*

Умберто Эко. Баудолино

«Регionalная составляющая» – прочно определенное направление современных исторических исследований и ее легитимность не вызывает и тени сомнения. Однако ее «образы» в виде институционально закрепленных (и закрепляющихся) полей исследовательской деятельности выступают сейчас в виде многомерного объекта с расплывшейся конфигурацией своего содержательного наполнения. Появление терминологических новаций, связанных с усложнением структуры региональных исследований, поиск подходов к анализу новых объектов региональной истории заставляют внимательно изучать практику применения тех или иных понятий, эволюцию их значений. Ибо за «именем» научного направления вырисовывается диапазон его проблемного поля, определяется приоритет в выборе методологических средств, осуществляется институционализация когнитивных и социальных параметров реальной исследовательской деятельности.

Категория *региональная историография* выступает для нас как один из образов «региональной составляющей» историографических исследований – исследований по истории исторической науки. Поэтому ее характеристика неизбежно будет зависима как видовая форма от наших образов «региональной составляющей» исторических исследований в целом, от представления о понятии региональная история как родовой форме.

**«Региональная составляющая» исторической науки:
названия и дефиниции**

*Баудолино даже не знал, или знал,
да сразу забыл, его истинное имя...*

Умберто Эко. Баудолино.

Исследовательская практика последнего десятилетия наглядно показывает, что принципиальной основой в подходах к пониманию и применению различных лексических вариаций, «покрывающих» многообразие проявлений «региональной составляющей» в исторических исследованиях, должно выступать представление о содержании двух коренных понятий – *историческое краеведение* и *региональная история**.

Для научного сообщества историков сегодня характерно оперирование множеством понятий часто без осмысленного выбора конкретной терминологии, с одной стороны, а с другой – попытка самоидентифицировать характер своей исследовательской деятельности через приверженность к определенным лексическим формам. Наименование той или иной научной отрасли – среди ведущих параметров ее самоидентификации¹.

*Если быть точным, то коренными понятиями для определения «региональной составляющей» выступают – краеведение и регионология (регионалистика, регионоведение). Однако в реальной практике многие историки употребляют эти понятия в значении их «исторической составляющей», признавая, тем не менее, что краеведение – шире, чем историческое краеведение, а региональная история и регионалистика – не адекватны.

Относительно производным от него выступает название специальности, кафедры, учебника и проч. Процесс самоидентификации *регионалистов-краеведов* через поиск понятий, обозначающих содержание и организационные формы их деятельности, идет по нескольким направлениям:

1) Первое из них отражает давнюю традицию, прочно сохраняющую свои позиции и в наше время. Все, что, по мнению ее представителей, сейчас подпадает под категорию «*региональные исследования*», на протяжении более ста лет числилось за *краеведением*. В связи с этим тезисом многие из тех, кто изучает *историю края* или проблемы, ограниченные объектами в рамках определенной территории, считают себя краеведами, специалистами в области исторического краеведения, региональной истории, местной истории, локальной истории и т.п.

Заимствование новых понятий из зарубежной историографии, отражающих специфику западных научных традиций (Regional History, Etnografia regional, Etudes regionales и др.), привело, с одной стороны, к недифференцированной терминологической практике в широких кругах исследователей прежде всего *своего края*, к использованию понятий *краеведение* и *регионоведение* как синонимов, а с другой – к рождению таких своеобразных лексических новаций, как *региональное краеведение*. В это понятие включают разнообразные по структуре, научному уровню, кругу авторов работы, посвященные различным проблемам изучения *региона-края*. Исходным концептом этой позиции выступает положение о том, что в научно-исследовательской практике разведение «по сортам» краеведческих и регионоведческих трудов «показывает искусственность подобной градации для определения качественных признаков»².

2) Второе направление в поисках терминологической самоидентификации связано с подходом, ориентированным на дифференциацию довольно уже широкого репертуара понятий, объединенных региональным ракурсом изучения конкретных социокультурных объектов. Исходным концептом в данном случае выступает положение о том, что усложнение

структуры накопленных до сегодняшнего дня огромного корпуса знаний о крае, определившиеся принципиальные различия в их функциональной направленности, организации исследований, профессионализме участников и проч. требуют введения различных таксономических единиц, учитывающих нюансы в едином процессе познания конкретной территории.

Понятия *региональная история* и *историческое краеведение* различают многие исследователи. Под *регионологией* понимают комплекс более широких и менее конкретизированных знаний, чем краеведение, включающих современное состояние региона и сферу политологии. Это – междисциплинарная научная и просветительская деятельность, утвердившаяся на стыке наук гуманитарного и иного профиля. Проблемное поле регионологии (регионоведения) смыкается с интересами исторической науки, теории и истории культуры, культурологии, ряда социальных наук³. *Региональная история* – это не только история отдельных регионов, но и история взаимоотношений со столицами и другими регионами, организация территориальной структуры государства и управления ею. *Регионология* и *региональная история* «поставляют» методологию и методику исследований региональной проблематики, а также приемы распространения этих научных навыков в широкой общественной среде (в том числе и в программах школьного обучения)⁴. *Краеведение* – это наука, изучающая развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и одновременно – научно-популярная и просветительская работа по определенной тематике: о прошлом и настоящем конкретного края – региона – «*малой родины*» и его памятников. В этой работе участвуют *специалисты* и *любители* (некоторые из них становятся большими знатоками «края» и литературы об этом «крае»), в нее втягивается школьная молодежь. Таким образом, в краеведческой деятельности объединяются по интересам люди разного возраста, разного социокультурного статуса, разного уровня специальной (научной) подготовки. «Занятия краеведением по зову души – всегда краелюбие», – считает

С.О.Шмидт, поэтому степень развития краеведения – один из показателей уровня культуры края, микроклимата его общественной жизни, а знакомство с региональным самосознанием и региональной историей существенно для понимания менталитета страны, особенно отличающейся своеобразием различных местностей⁵.

3) Представители третьего направления рассматривают историческое краеведение как особую разновидность исторической регионалистики. Историко-региональные исследования составляют «сердцевину» исторического краеведения, его научную основу. Историческое краеведение выступает как интегральное научное направление, специфика которого заключается в том, что оно сближает системы природоведческого и социогуманитарного знания, дает возможность конкретизировать и персонифицировать историко-культурный процесс, разрушает барьеры между профессиональной наукой и историками-любителями, расширяет и организует круг людей, заинтересованных в изучении своего края, способствуя тем самым воспитанию национального самосознания и патриотизма. При этом, соотношение исторического краеведения и исторической регионалистики образно представляется в виде двух пересекающихся окружностей. Область краеведения, не совпадающая с регионалистикой, включает всю сферу общественного и учебного краеведения, а область исторической регионалистики, которая выходит за границы краеведения, включает проблемы историко-экономических исследований, выработку критериев экономического и политического районирования, разработку научных основ региональной политики⁶.

4) Исходным концептом позиции представителей четвертого направления является контекстное восприятие региональной составляющей исторических исследований. *Регионалистика и краеведение* в данном случае определяются в качестве элемента, включенного одновременно в две системы (или как «две стороны одной медали»): «То, что в контексте развития «большой исторической науки» рассматривается как регио-

нальное исследование... может приобрести значение краеведческого знания, если окажется востребованным и освоенным в системе знания о том или ином регионе или городе»⁷.

Таким образом, краеведение как система знаний о крае пополняется за счет общеисторических работ точно так же, как факты и знания, добытые в рамках краеведческих исследований, могут войти в систему знаний «большой науки», если они будут востребованы в ее границах. Многие ученые придерживаются мнения о том, что приоритеты современных исторических исследований связаны в первую очередь с изучением не столько общего и типового, сколько особенного и индивидуального. В связи с этим регионалистика выдвигается в качестве важнейшего составляющего компонента развития современной историографической ситуации: т.е. именно с региональными исследованиями связывается прорыв в изучении истории вообще. Однако для того, чтобы добытые краеведами знания вошли в систему знаний большой науки, необходимо, прежде всего, повышение профессионального уровня исследований, которые проводятся в регионах. Они должны быть значимы не только для системы знаний о крае, но и включаться в систему регионалистики и систему знаний о стране в целом⁸. Таким образом, взаимосвязь локального, регионального и общего предполагает многоуровневую структуру краеведческого знания*.

Эволюция в понимании содержания понятий *краеведение* и *региональная история* прослеживается уже на уровне социальной институционализации. Так, в Украине в рамках советской эпохи академическими центрами, координировавшими историко-краеведческие исследования, являлись отдел историко-краеведческих исследований Института истории УССР

* Известная мера условности в определении этих направлений и контурность их очертаний позволяет рассматривать этот экскурс лишь гипотетически и одновременно требует глубокого анализа наметившихся тенденций.

и проблемный Научный совет. В 1990-е гг. в Институте истории Украины НАНУ наряду с отделом историко-краеведческих исследований начал действовать отдел региональных проблем истории Украины, возглавляемый академиком НАНУ П.Т.Трощко, являющимся одновременно председателем Всеукраинского союза краеведов. В Российском государственном гуманитарном университете (если рассматривать пример вузовского уровня) действует *кафедра региональной истории и краеведения*, на которой читаются курсы – «Региональная история», «Историческое краеведение», «Церковное краеведение Москвы», «История москвоведения», «Москвоведение» и др.

Если принимать во внимание действительную неразделимость принципиальной ориентации региональной истории и исторического краеведения на изучение истории локальных объектов в рамках конкретно-ограниченной территории, то изложенный выше дискурс и реальная практика его институционального воплощения вполне оправданы. Однако историко-краеведческим исследованиям в том классическом виде, в каком они сложились в рамках украинской (и российской) культурной традиции, всегда были присущи: а) интерес к истории именно *своего края* и б) участие *непрофессионалов*: историю края писали не только специалисты-историки и не только представители т.н. «ученого цеха». Академик Д.С.Лихачев называл краеведение «самым массовым видом науки», т.к. в ней нет «двух уровней»: для ученых-специалистов – одного и для «широкой публики» – другого⁹.

Среди особенностей историко-краеведческих исследований обычно выделяют: специфичность форм организации и выявления фактического материала; конкретизацию и детализацию описания; возможность изучения жизни современного общества непосредственно «по следам» событий; более тесную связь с другими науками (исторической географией, исторической топографией, демографией, топонимикой и др.); специфичность источниковой базы, поскольку краеведу в большей степени доступен широкий круг местных ис-

точников не только письменных, но и устных, этнографических, поведенческих¹⁰.

Следует учитывать еще одну сторону проблемы: генезис и национальную специфику культурно-исторических лексических норм. Слова с «территориальным» значением обычно разделяют на две группы. Во-первых, для обозначения *определенных* территорий. Это т.н. таксономические единицы территориально-административного членения (страна, государство, республика, область, край, штат, район, губерния, уезд, департамент, земля и т.п.) и территориально-географического характера (равнина, долина, междуречье, побережье и т.п.). Во-вторых, для обозначения *неопределенных* территорий. В этом случае понятия, выраженные в аналогичной терминологии, в каждом конкретном случае наполняются своим содержанием. Например, Причерноморский *край* – как территория со спецификой географических характеристик и «*край* непуганых птиц» – как литературно-поэтическая форма¹¹.

Наиболее четко и понятийно однозначно вторая группа слов может быть представлена термином *регион* (от лат. regionalis – областной), под которым «подразумевают обычно часть территории, отличающуюся от других совокупностью относительно устойчивых особенностей – географических, социоэкономических, исторических (как историко-культурных, так и историко-политических)»¹². Генетически одни из слов второй группы представляют собой заимствования (*регион, район*), другие возникли на славянской почве (*область, край*). Однако семантическое развитие даже в истории одного слова может протекать в прямо противоположных направлениях. Так, слово *область* первоначально имело значение территории, находящейся под единой властью (т.е. «*область*» – калька греческого слова «*епархия*»), но в дальнейшем приобрело и неопределенно-территориальное значение¹³.

Слово *край* представлено во всех славянских языках и связано с чередованием гласных в слове *кромить*. Первоначальное (негеографическое) значение – предельная линия, предельная часть чего-либо – сохранилось в русском языке в ка-

честве первого словарного значения слова край. В украинском языке слово край – конечная часть поверхности, конец, окраина, межа, сторона и др. В современном болгарском языке край – конец. Это дало основание для определения словом край – окраинных территорий: Украина, Привислинский край (как территория, включавшая в себя несколько губерний в Российской империи ХУШ-Х1Х вв.), Новороссийский край и проч. В советское время (с 1924г.) этим словом обозначали административно-территориальную единицу субреспубликанского уровня, включающую в себя национальные автономии. Если в неопределенно-территориальном значении слово край, как мы видим, связывалось с окраиной, периферией, то в поэзии сентиментализма и романтизма оно утрачивает этот аспект семантики, приобретая романтический нюанс, реализуемый обычно в противопоставлении: родной (отчий, наш, свой) край / чужой (далекий) край. Это противопоставление демонстрирует восприятие края с позиций его обитателей: это не просто территория, но такая, которая осознает свою собственную специфику. Это – именно родной край¹⁴.

Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с положением о том, что отчетливо сформировавшаяся к началу ХХ в. в российской науке отрасль, изучавшая *родной край*, получила свое название – *краеведение* – только под влиянием немецких соответствий *Landeskunde* и *Heimatkunde*¹⁵ (хотя факт бесспорного воздействия традиций немецкой университетской науки на российскую, разумеется, нельзя отрицать). Процесс национального самосознания, связанный с самоидентификацией, включающей многоуровневую структуру, имел своим результатом (и составляющую большой длительности) т.н. *местное самосознание*. Рассматривая феномен местного самосознания в контексте становления историко-научного изучения родного края и проявления местного самосознания в формах организации специальных научных коллективов, сети учреждений, исследовательских программ и проч., представители американской историографии относят этот процесс к ХІХ веку,

отмечая, что у немцев этот феномен назывался *Heimatkunde* (от *Heimat* – *малая родина*, идея которой возникла в германских землях после 1871г., а с 1895г. это понятие вошло в школьные учебники), а в России – *краеведение*¹⁶.

Процесс формирования национального самосознания в Украине, России, Германии и ряде других европейских стран шел параллельно, рождая аналогичные формы своего проявления, но с именами, отражающими особенности культурно-исторических лексических норм (*краєзнавство, краєведение, Heimatkunde* и др.).

Термин «краеведение» в российской официальной науке XIX в. действительно еще не употреблялся. Существовавшие в XIX – начале XX вв. в России такие понятия, как отчизноведение, а позже – родиноведение, ставшие предшественниками понятия краеведения, отражали и их связь с общим процессом формирования национального самосознания, и этапы его развития. Появившееся в начале XX в. новое слово – «краеведение»- несло на себе отпечаток амбивалентности: оно означало как изучение данного края, так и страны в целом: Отчизна, Родина – мой родной Край. Только в 1920-е гг. термин «краеведение» окончательно сменил «родиноведение» (возможно, здесь сыграл свою роль и фактор отказа от традиций «буржуазной науки» дореволюционной России) и утвердился для обозначения общественного движения и формирующейся дисциплины. Несмотря на то, что понятие краеведение среди ученых долгое время трактовалось по-разному¹⁷, объект краеведения – край, свой край, малая родина – постепенно определялся все более отчетливо. К середине 1930-х гг. слово «краеведение» объясняли следующим образом: «Изучение какого-нибудь края..., отдельных местностей, районов со стороны их природы, истории, экономики, быта и т.п., производимое преимущественно местными силами»¹⁸.

Таким образом, от изучения большой родины к изучению малой родины, от изучения Отечества в целом к изучению его же, но через познание своей малой родины – в этом состояла основная тенденция в эволюции понятия, покрываю-

щего объективный процесс исторического самопознания в широких кругах представителей разных слоев населения, который выступал в качестве важнейшей составляющей процесса формирования национального самосознания. Если учитывать тот факт, что 1920-е гг. стали периодом национального самоопределения (в условиях несложившейся еще жесткой конструкции «семьи народов») для многих этнических общностей огромного союзного государства краеведение стало формой местного самосознания, которое в контексте общесоюзного пространства трансформировалось в национальное самосознание.

«Краеведческий Ренессанс» в Украине сегодня – это знаковая черта нового образа исторической науки, органично развивающаяся в то же время лучшее из национального наследия. В структуре украинской историографии историческое краеведение сложилось как специальная историческая дисциплина, изучающая «историю, теоретические основы, содержание и методику комплексного познания прошлого определенной местности»¹⁹. Вместе с тем, рефлексивная компонента исторического краеведения, образующая стержень приведенной дефиниции, значительно отстает от роста фактуальной базы. Проблемы теории и истории краеведения в Украине занимают сравнительно незначительную область специальных исследований. Редкое обращение к теоретическим аспектам краеведения является и общероссийской характеристикой современного состояния краеведческих разработок. В методологическом арсенале участников краеведческого движения по-прежнему преобладают традиционные описательные методики и наблюдается резкое снижение интереса к вопросам методологии своих разведок²⁰. Впрочем, в данном случае краеведы-любители идут вслед за профессиональной наукой: многие из ее представителей в условиях расплывшихся границ методологического пространства, перехода от мононаучной парадигмы к многообразию выбора встали на позитивистски-эмпирические позиции. На волне нового размаха краеведческих изысканий, к которым приобщились в силу различного характера мо-

тиваций многие непрофессионалы, и появления широких возможностей для публикации краеведческой литературы, неоднозначной по своему содержанию и научному уровню, специалисты в области историко-региональных исследований выдвигают требование повышения качества подобных исследований, их профессиональной планки. Решение этих проблем некоторые представители «ученого цеха» видят в том, чтобы центрами *научного краеведения* в регионах сделать высшие учебные заведения²¹.

В то же время, складывается впечатление, что с историческим краеведением сейчас происходит нечто аналогичное тому, что происходило (и, пожалуй, происходит постоянно) с самой исторической наукой: закономерные периоды кризисов, вызванные разными факторами (в том числе и фактором «роста» науки), приводят к перманентным сомнениям в ее научном статусе и заставляют вновь и вновь ставить вопрос о создании т.н. новой научной истории.

«Региональная составляющая» историографических исследований: образы и модели.

Терминология приветствовалась самая редкая, синтаксические конструкции – замысловатые.

Умберто Эко. Баудолино.

«Региональная составляющая» в историографических исследованиях на сегодняшний день чаще всего определяется рядом понятий: *региональная историография, провинциальная историография, провинциальная историческая мысль, провинциальное краеведение, региональное краеведение.*

Первая проба экспликации понятия региональная историография в современной украинской литературе была предпринята И.И.Колесник. Исходная идея автора – применение этого понятия в разнообразных контекстах, что способствует обогащению его «содержательного поля». Таким образом, *региональная историография* может представлять как общая, национальная, локальная и «подекуди набуває вузького краєзнавчого змісту». Эта категория «поєднує часткове та загаль-

не, національне та тотальне в історії історичної науки. Це певний просторово-часовий вияв загального історіографічного процесу». *Региональная историография* «наполягає на висвітленні самобутнього як складової загального, це засіб вивчення локального у контексті загальноісторичного, загальнокультурного»²².

Появленню этой категории способствовали две группы факторов. Первая связана с процессами самоидентификации локальных общностей на территории бывшего союзного государства, созданием новых независимых государств и становлением в их рамках национальных историографий. Понятие регионального в этих условиях выступает как способ самоопределения локального, национального во всемирном процессе, преодоления провинциализма и интеллектуальной изолированности. Вторая группа факторов связана со спецификой развития историографического процесса последней трети XX века, которая заключается в расширении локальных исследований. Локальная история как область исторических исследований имеет давнюю историографическую традицию. Она прошла путь от простого собирательства древностей и описаний местной истории в XVIII в. до разведок академического уровня в конце XIX в. Но если в первой половине XX в. локальные исследования занимали второразрядное место в официальной историографии, то за последние три десятилетия их статус коренным образом изменился. Сейчас локальная история переживает «второе рождение», что связано с влиянием методологических новаций «новой исторической науки»: смена историографических приоритетов – обращение к антропологически ориентированной социальной истории, внедрение принципов междисциплинарной методологии, стремление к реализации в историографической практике идеалов тотальной истории, предложенной французской школой «Анналов».

Поскольку *тотальность* в реальной практике научного анализа исторического прошлого может быть осуществлена лишь в рамках изучения предельно ограниченного объекта

(конкретная деревня, город, монастырь и проч.), постольку именно содержание локально-исторических исследований дает возможность реализации идеала тотальной истории, т.е. всестороннего, *тотального* изучения какого-нибудь *локального объекта*. Антропологическая направленность локальной истории состоит в том, что только на «пяточке» локальной истории исследователь имеет возможность увидеть облик обычных людей, которые «творяют» историю, и зафиксировать те условия, в которых они это делают. Об особом статусе локальных исследований в структурах современной исторической науки свидетельствует наличие целых направлений и школ. В рамках британской историографии – это лестерская школа локальных исследований и 21-томное издание серии монографий под характерным названием «A Regional History of England» (L.; N. Y., 1986)²³.

В широком значении слова *региональная история науки* на примере Украины, по мнению И.И.Колесник, означает изучение прошлого науки как самостоятельного социокультурного организма, отделенного от таких чужих структур, как российская, польская, австрийская историческая наука. В узком значении это понятие может использоваться для изучения прошлого науки в конкретном регионе, родном крае. Региональное в широком социокультурном значении предстает как общее. Этот тезис на примере украинской исторической науки И.И.Колесник иллюстрирует следующим образом: в своих научных формах украинская историография возникает в ХУШв., но в Левобережной Украине, включенной в состав Российской империи, украинская историография существует как *проблемная*, т.е. определенное направление общероссийской исторической науки. Эта ситуация отражена и в самосознании украинских деятелей культуры того времени²⁴. Однако, если рассматривать становление украинской историографии в контексте украинского национального возрождения, то она выступает уже как региональная в широком значении этого слова в сравнении с российской, немецкой, польской исторической наукой того времени, т.е. как составная часть, локаль-

ное проявление всеобщего историографического процесса. Одновременно украинская историография имела и свою локальную специфику, что связано с характером влияния национального возрождения на процесс исторических исследований и обусловлено структурой украинских земель, особенностями их социокультурного развития²⁵.

Взаимосвязь *региональной историографии* и *исторического краеведения* И.И. Колесник трактует следующим образом: термин «региональная историография» при изучении состояния исторических исследований в конкретном регионе, городе, крае приобретает краеведческий оттенок и выступает способом изучения местной, локальной истории. Разница между региональным и краеведческим заключается в том, что «региональне схоплює риси суспільного через вивчення локального об'єкту, а краєзнавче фіксує насамперед поодинокі, унікальні, неповторні на місцевому матеріалі»²⁶. Таким образом, категория *региональная историография* означает собой проекцию понятия локальная история на область истории исторической науки, способ осмысления всеобщего историографического процесса через национальное, локальное, что составляет предпосылки для нового историко-научного синтеза. В предмет *региональной историографии* входит: состояние научных и учебных учреждений, характер исследовательской работы в различных областях исторического познания – археологии, истории, украиноведения, востоковедения, славяноведения, византиноведения, медиевистики²⁷.

Я.Верменич рассматривает региональную историографию как научное направление, которое предметно исследует закономерности становления и развития исторической мысли в конкретных регионах и процесс исследования региональной специфики. Одновременно региональная историография выступает, по ее мнению, и как подсистема страноведения (поскольку регион – часть страны). Справедливо отмечая, что подобное наиболее обобщенное определение все-таки не дает ответ на вопрос об объекте изучения (т.е. «региональная историография» – это наука в регионах или о регионах и проч.),

Я.Верменич предлагает, исходя из потребностей исследовательской практики, размежевать сферы научного поиска. От «региональной историографии», по ее мнению, следует «отмечать»: 1) «историографию региональных исследований», в сфере внимания которой должны быть вопросы обобщения развития научного знания в регионах; 2) «проблемную историографию регионов», которая должна заниматься исследованием в историческом разрезе региональной специфики и обобщением знаний о регионах. Представляя соотношение проблемных полей исторической регионалистики и исторического краеведения в виде пересекающихся окружностей, Я.Верменич считает, что в значительной мере за пределы краеведения выходит та сфера региональной историографии, которая исследует региональные особенности развития исторической мысли, закономерности разных этапов исторического познания, теоретико-методологические принципы, характерные для научных школ и проч.²⁸.

Наряду с понятием *региональная историография* исследователями истории науки широко используется понятие *провинциальная историография*. Термин «провинция», утвердившийся в отечественной и российской социокультурной традиции в XIX в., был перенесен в современную литературу для обозначения территорий, удаленных от центра и подчинявшихся центру. В координатах «столица-периферия (провинция)», «центр-регион» понятие *провинциальная историография* употребляется подчас как синоним понятия *региональная историография*, или *местная историография*. Наряду с этим территориально-административно-географическим оттенком с XIX в. за словом «провинция» закрепился иной смысловой нюанс, означающий преимущественно негативное содержание и фиксирующий внимание на явления отсталости, местечковости, патриархальности и проч. (ср.: «провинциальный», «провинциализм»).

В современных отечественных и российских исследованиях наметились интересные направления, связанные с попыткой комплексного изучения провинции и провинциальной науки.

В этом плане в Украине заслуживает внимания опыт черновицких ученых, организовавших постоянно действующий междисциплинарный международный научно-практический семинар по проблемам провинциологии; в России – практика омских исследователей, разрабатывающих проект «Провинциальная наука: научные сообщества и их судьбы в Западной Сибири конца XIX – первой трети XX веков»²⁹ и др.

Во второй половине XX века приоритетным подходом к исследованию истории науки становится институциональный подход: изучение различных типов научных сообществ (научная школа, преподавательский контингент университетов, участники определенного научного общества, коллектив научной лаборатории, члены конкретного научного учреждения и др. – т.н. «научная молекула»). Социологическая направленность большинства подобных исследований (вне зависимости от методологии и исходных теоретических позиций) определялась акцентом на параметры «внешней социальности науки»: количественные показатели сообщества, нормативные документы его деятельности, результаты научного творчества коллектива, структурированность в контексте государственной и профессиональной системы и проч. В рамках становления антропологической парадигмы в современной историографии вырисовывается новое проблемное поле с возрастающим вниманием к личности в научном сообществе, с акцентом на параметры «внутренней социальности науки»³⁰. Получивший ныне признание как в отечественной, так и в зарубежной историографии, культурологический подход к анализу истории науки детерминирует рассмотрение истории исторической науки как части мира культуры. Институциональный ракурс подобных исследований ориентирует на изучение «мира» научных сообществ с их ценностными нормативами, «историографическим бытом», т.н. «профессорской культурой» и т.п.³¹.

Этос науки (категория, введенная Робертом Мертоном) как совокупность определенных этических императивов, принятых в научном сообществе и определяющих поведение ученого, в своей конкретно-исторической и регионально-

специфической форме может стать специальным объектом историографического анализа. При данном подходе фигура конкретного ученого-историка выступает как часть «мира» культуры научных сообществ в системе коммуникативных связей различного уровня: личностно-интимного, личностно-семейного, личностно-профессионального, личностно-социального и проч., а ее деятельность рассматривается сквозь призму *этоса науки*.

В границах подобных исследований представляет интерес разработка проблем реконструкции карты научных сообществ различного типа в провинции, изучение локальных научных сообществ в контексте интеллектуального ландшафта провинции, теоретическое осмысление феномена провинциальных научных сообществ³². Однако, анализируя существующую историографическую традицию в плане заявленного направления исследований, ученые приходят к выводу о том, что *историко-научная* и *краеведческая* составляющие этой традиции (в понимании авторов, – это самостоятельные историографические традиции) «при рассмотрении единого объекта оказались разомкнутыми», ибо «фигура провинциала» – местного ученого, как и провинциальные научные сообщества в целом, в современных исследованиях «присутствуют преимущественно на том этаже исторического знания, которое получило название краеведения»³³.

Перспективное развитие гуманитарного знания, по мнению российских исследователей, характеризуется общей тенденцией к ликвидации этого разрыва. И среди внутринаучных предпосылок, свидетельствующих об обозначенной тенденции, – становление антропологической парадигмы в историографии. К ее нормативам относят: стремление к целостному историческому знанию не только на уровне преодоления оппозиции «провинция-центр», но и на уровне осмысления локальных объектов в широком междисциплинарном поле, а также преодоление «комплекса неполноценности» относительно интеллектуальных процессов в провинции. Антропологический подход ориентирует, с одной стороны, на то, что

локально-исторический процесс, в том числе и развитие научного сообщества, получает статус самостоятельного объекта исследования, а с другой – междисциплинарная методология переносит локальное исследование, которым раньше занималось краеведение, в общее пространство культуры со всем сложным многообразием связей³⁴.

Понятия *провинциальная историография* и *провинциальная историческая мысль* применяются при изучении развития исторических знаний в российской провинции XIX – начала XX вв. В данном случае понятие *провинциальная историография* выступает в качестве аналога понятия *местная историография* и означает «огромный массив работ провинциальных историков» России второй половины XIXв., включающий в себя несколько тысяч названий; комплекс очень разнородных (по своей тематике, уровню мастерства и проч.) сочинений историко-краеведческой направленности, написанных любителями-историками в российской провинции. Провинциальная историография в России этого времени рассматривается как самостоятельная традиция и «явление огромной научной значимости», как «полноправная часть общенациональной исторической науки»³⁵.

В то же время, *провинциальная историография* и *краеведение* – это не одно и то же явление. Краеведение, по мнению В.А.Бердинских, включало в себя не только работы по местной истории, но и этнографические, статистические, экономические и географические описания и исследования, посвященные какой-то одной губернии или области. В восприятии автора, краеведение – более широкое понятие, интегральная область знания, объектом которой (на основе «комплексного междисциплинарного подхода») выступает конкретный регион, хотя «ключом для понимания» археологии, этнографии, статистики, экономики, географии и проч. данной местности является все-таки история края. Не ставится знак равенства и между такими понятиями, как *местные исследователи* и *авторы историко-краеведческих работ*, поскольку местные исследователи составляли «незначительное меньшинство от обще-

го числа всех авторов историко-краеведческих работ». Это, прежде всего, «историки-любители», профессионализация которых шла очень медленно³⁶.

При изучении истории краеведения в отдельных регионах российские авторы оперируют таким понятием, как *провинциальное краеведение* и *региональное краеведение*. В содержание первого понятия входит историческое краеведение в российской провинции конца XVIII – начала XX вв., «краеведческое наследие», оставленное в основном непрофессиональными историками той или иной местности (провинции). Это краеведческое наследие как «историографическое наследие дореволюционных краеведов» оказывает значительное влияние и на *региональную историографию*, и на общественное сознание, а его изучение помогает понять особенности региональной истории России, поскольку сама история России во многом выступает как история российских регионов. В содержание второго понятия входит развитие историко-краеведческих исследований в отдельных регионах России, инфраструктура которых включает не только профессиональные учреждения (в первую очередь, исторические кафедры местных вузов), но и общественные организации, а, соответственно, – не только ученых-историков, но и любителей³⁷.

Вместо эпилога: несколько ремарок

*знание, какова форма Земли,
все равно не помогает решить то,
что важнее всего правым христианам:
каков путь к спасению души.*

Умберто Эко. Баудолино.

Представленный выше материал легким абрисом позволяет взглянуть в наметившиеся ныне направления, отражающие разнообразные подходы к осмыслению «региональной составляющей» в исторических и историографических исследованиях. Однако даже это первое приближение дает возможность коснуться достаточно большого круга вопросов. Мы ограничимся лишь несколькими ремарками.

Ремарка 1. Вопросы почти без ответов.

*Книга состоит из знаков, говорящих
о других знаках, которые
в свою очередь говорят о вещах.*

Умберто Эко. Имя розы.

Все понятия в рассмотренных выше вариантах их интерпретации могут выступать (и выступают) в виде определенного методологического инструментария для изучения истории исторической науки в «региональном измерении». Однако «содержательное поле» каждого из них в данных трактовках, подчас «перекрывая» друг друга, все-таки не совпадает. Если применять понятия *региональная историография* и *провинциальная историография* как синонимы *местной историографии* и рассматривать их для обозначения локальной целостности, определенного социокультурного феномена, историографического явления и проч., то каким конкретным содержанием следует их насыщать? Для одних авторов – это целый комплекс компонентов: исторические и историко-краеведческие учреждения, система дисциплинарно ориентированных направлений исследования, научные сообщества в своем многообразии видов и проч. Для других – массив историко-краеведческой литературы, создаваемой непрофессионалами, «любителями старины». О каких «вещах» мы, в конечном итоге, говорим?

«Подвижность» предметных зон, пересечение проблематики, «взаимопроникновение» исследовательских методик и проч. – все это приводит к известной «дисциплинарной размытости». Но если на когнитивном уровне эта ситуация допустима, т.к. «передний край» науки обычно представляет не дисциплинарно ориентированный, а проблемно ориентированный тип исследования, то на инфраструктурном уровне эта ситуация вызывает ряд сложностей. При этом, когнитивный (когнитивная институционализация – интеллектуальное взаимопонимание между исследователями в отношении содержательной стороны своей научной деятельности) и социальный (социальная институционализация – возникновение и сохра-

нение формальных структур, объединяющих членов когнитивной структуры) аспекты институционализации, которые в своей совокупности должны определять степень когерентности в рамках конкретной области научной деятельности, а следовательно способствовать конституированию этой научной области (или ее сохранению), могут быть разомкнуты.

Есть вопросы, ответы на которые требуют не только абстрактно-теоретических рассуждений (как не парадоксально, но именно на этом уровне иногда бывает все более ясно, чем на уровне внедрения теоретических посылок в реальную практику), но и конкретных организационных действий. Сформулируем некоторые из них (на основе анализа вышеизложенной терминологической практики) и назовем их «вопросы для непонимающего»:

1) Региональная историография – это историческая наука в конкретном регионе (ее прошлое и настоящее), т.е. местная историография, или это направление в рамках национальной историографии, объектом изучения которой выступает местная история исторической науки, развитие исторической науки во всех регионах страны? Аналогично, историческое краеведение – это изучение истории какого-либо края-региона представителями научного сообщества этого же края, или же это – составляющая национальной исторической науки, объектом изучения которой выступает какой-либо край? Иначе говоря, это – историческое знание края-региона о себе самом или историческое знание в целом – всей науки конкретной страны о конкретном регионе? И в том, и в другом случае мы говорим о части и целом. Под целым выступает национальная историография, т.е. историческая наука в конкретном государстве. А «часть» меняет свой облик: в первом случае ее содержание сужается – это историческое знание, ограниченное конкретными территориальными рамками. Во втором случае, «часть» шире – это исторические знания, где бы и кем бы они ни были представлены в рамках государства, о данном регионе.

Причем, можно «выйти» и за границы государства. Напри-

мер, «крымоведами», специалистами, изучающими историю Крыма (конкретного региона Украины), были многие ученые Европы и России. Их историографическое наследие входит в «крымоведение». «Целое» также может быть расширено и рассмотрено по отношению к «части» в контексте всеобщего историографического процесса. Как в этом случае соотносить «крымоведение» и региональную историографию? «Крымоведение» и историческое краеведение Крыма? «Крымоведение» и историческую науку в целом? Эти вопросы, на которые, кажется, очень легко ответить, если убрать «или», имеют свои «институциональные следствия»: кто и какие нормы своей деятельности должен принимать в зависимости от самоидентификации?

2) Кто входит в научное сообщество *региональной историографии* – представители науки, профессиональные научные работники? Кто представляет *историческое краеведение* – провинциальная историография (историко-краеведческие работы местных любителей) или научное краеведение и общественное? Следует ли соотносить понятие региональная историография только с исследованиями «большой науки», а историческое краеведение – с трудами любителей? В каких формах выступает краеведение: научных и общественных; государственных, общественных и частных? Какими учреждениями должна быть представлена многоликая «региональная составляющая»? Как должны осуществляться финансирование, издательская деятельность, коммуникации, экспертиза и проч. различных направлений в едином процессе изучения региона-края?

3) Призывы к повышению профессионализации историко-краеведческих исследований включают в себя также различное толкование. В одних случаях, это – приближение любительских работ к нормативам профессиональной науки. В других, – это, по сути, ликвидация любительского краеведения. Такие понятия как «комплексный, междисциплинарный подход», разработка теоретических проблем локальных исследований, рассмотрение уникального в широких контекстах и

проч. вряд ли представляют собой его атрибуты. Всегда ли описательные методики – показатель консерватизма? В то же время, всегда ли высокому критерию «научности» отвечают работы многих профессионалов? Если понятие *региональная историография* – это способ преодоления провинциализма, то снимается ли применением этого понятия проблема провинциальности местной науки? Что входит в эту проблему в конкретно-историческом и региональном срезе и в чье поле исследований она входит – профессионалов-регионалистов или краеведов-любителей?

Неизбежное обновление лексикона социума – закономерность социокультурного развития. Тем более, обновление языка науки – закон, ибо в развитии понятий происходит движение научной мысли, осуществляется теоретизация знания³⁸. Усиление интеграционных процессов, вхождение национальных историографий стран «постсоюзного» пространства в мировой историографический процесс приводит к естественному заимствованию терминологии. Если в соответствии с международными стандартами (есть ли они на уровне дисциплинарных наименований в т.н. *Западной* науке?) историческое краеведение получит название региональной истории, исчезнут ли приверженцы определенных лексических традиций, которые, например, занимаясь *локальной историей* в рамках региональной историографии, будут называть свою деятельность *краеведческими исследованиями* и проч.?..

Ремарка 2. Предварительные предложения.

Рассуждать следует не по законам логики времени, а следуя логике Традиции.

Умберто Эко. Маятник Фуко.

На наш взгляд, развитие исторической науки в регионах выступает в качестве составляющей единого историографического процесса. Вместе с тем, региональный «срез» этого процесса (региональное измерение) следует рассматривать как нечто цельное: универсализм, трансформируясь на «местной почве», создает свой, неповторимый облик, детермини-

руя видовые характеристики такого своеобразного культурного феномена, как *региональная историография*, которая складывается и развивается под влиянием широкого спектра разнообразных факторов когнитивного и социокультурного характера.

Региональная историография как историографическое и социокультурное явление возникает на пересечении многих составляющих: это – структура проблематики исторических исследований в регионе, соотношение проблемных направлений, детерминированность этого процесса; эволюция инфраструктуры исторической науки в регионе – специфика складывания, виды и состав научного сообщества историков, типы ученых-историков, характерные для данного региона, возникновение научных школ и направлений, становление системы исторических учреждений, подготовки кадров-историков, роль университетских центров в организации научных исследований и популяризации исторических знаний, создание корпуса источников, учреждение архивных и библиотечных фондов в регионе, установление и действие научных связей, формы коммуникации; общественный интерес к истории в местной социокультурной среде, формы организации и деятельности историков-любителей, взаимосвязь профессиональной науки с сообществом историков-любителей, поддержка исторической науки со стороны администрации региона, «региональное меценатство», престижность региональной историографии в рамках общенациональной историографии, роль академических и университетских столичных центров в организации и развитии исторических исследований в регионе и проч.

Анализ региональной историографии может осуществляться по проблемным линиям: изучение дисциплинарной истории (истории становления и развития отдельных исторических дисциплин, исследование складывания «дисциплинарных семейств» в регионе); проблемной историографии (например, история казачества); биоисториографии (история жизни и творческого наследия ученых-историков: профессионалов и

любителей) т.д. Биоисториография в то же время может выступать в качестве самостоятельной линии: деятельность отдельного ученого-историка в обозначенных выше сферах, либо каждая из перечисленных составляющих региональной историографии может рассматриваться сквозь призму «историографии в лицах»: например, история местных музеев, архивов, краеведения в целом, история отдельной дисциплины или проблемы и т.п. в контексте деятельности «старателей» этого процесса в регионе и т.п.³⁹.

Все это – контуры одного из образов того явления, которое мы называем *региональная историография*. Конкретное изучение может осуществляться через различные модели, построенные на основании этого образа. Одним из вариантов выступает системное изучение региональной историографии с помощью модели историографического процесса. Категория «историографический процесс» с 80-х гг. вошла в научный обиход в качестве синонима объективного процесса развития исторической науки. Одновременно, это объемное понятие может рассматриваться как средство историографического анализа.

Основываясь на традиции, сложившейся в общих чертах в специальной литературе, модель историографического процесса можно представить как взаимодействие трех системных уровней. Каждый из уровней включает в себя соответствующие «подсистемы» со своей, имманентно присущей этим «подсистемам», структурой компонентов. Первый уровень – когнитивная («внутренняя») система исторической науки: это исследовательская проблематика; источниковая база; методика и техника исторического исследования; теория и методология исторического познания; общие и частные концепции. Второй уровень – инфраструктура исторической науки: индивидуальный и коллективный субъект науки – ученый-историк и научное сообщество историков; система исторических учреждений, исторического образования, архивов и книгохранилищ исторических источников; историческая периодика, система изданий исторической литературы; материально-техни-

ческая база и финансовые основы исторической науки; коммуникационная система и проч. Третий уровень – социокультурный – включает в себя систему отношений между исторической наукой и обществом и проявляется в конкретной «политике» властных структур по отношению к исторической науке, в т.н. «престижности» исторической науки в обществе и в научном сообществе в целом и проч.⁴⁰.

Каждая из позиций трех уровней историографического процесса обладает универсализмом и спецификой временного и регионального характера, что находит свое выражение в конкретной историографической ситуации. Ее характеристика складывается в результате анализа состояния и взаимодействия всех компонентов трех системных уровней историографического процесса (т.н. «вертикальный срез») в конкретном временном режиме и конкретном регионе. Совокупность историографических ситуаций отражает динамику региональной историографии.

Ремарка 3. Предварительные выводы.

...сила в том, чтобы все зафиксировать...

а потом искать взаимосвязи.

Взаимосвязи есть всегда,

надо только захотеть их найти.

Умберто Эко. Маятник Фуко.

Наша национальная историография еще в пути своего сотворения. Оглядываясь на себя и вокруг себя, историки ищут дороги на этом пути. Однако складывается впечатление, что в этом поиске ученые недостаточно хорошо слышат друг друга. Безусловно, фактор несовершенства современной коммуникативной системы (ограниченность тиражей действительно серьезных изданий, разобщенность таких структур как «центр – провинция» и «провинция – провинция» на уровне научных контактов и профессионалов, и любителей-краеведов тем более) играет свою негативную роль. В то же время, наметились линии, на которые следует обратить внимание. Историографическая ситуация сегодня характеризуется оп-

ределенным столкновением традиций, в том числе – дисциплинарных. Известно, что проблемное поле научных исследований, которое развивается, подчиняясь некоей общей закономерности (исходя из принципа интерсубъективности научного знания) структурируется в блоки и эти блоки (научные направления, отрасли, дисциплины и т.п.) получают свои специфические наименования в зависимости от многих факторов – научных (влияние собственно научных традиций в конкретном государстве, регионе) и т.н. «внеаучных», детерминируемых социокультурной спецификой национально-регионального развития.

Это обстоятельство во многом определяет *язык науки* – категориальный аппарат, с которым следует обращаться предельно осторожно. Теоретические основания науки проявляют себя в первую очередь в категориальном аппарате. Карл Поппер утверждал, что теория проникает в историческое исследование через терминологию. На этот факт обращали внимание многие крупные ученые XIX-XX вв. Между тем, сегодня наблюдается поток литературы, в которой авторы, недостаточно владея знаниями истории науки (либо осознанно игнорируя традиции той или иной национальной специфики научного языка) и преисполненные дерзновенным азартом революционной ломки, идут по пути соединения несоединимого, обновления формального без должного соотнесения с адекватным содержательным наполнением. Вряд ли эту практику можно рассматривать как реализацию принципов теоретического плюрализма. Междисциплинарный подход, превратившийся чуть ли не в лозунг современного исследовательского поиска (при всей позитивности и давности по существу своего применения) не так прост и универсален для историка. Одно перечисление номенклатуры понятий, заимствованных из социальных и естественных наук (что обычно наблюдается в работах молодых / и не только/ авторов), не решает вопроса о результативности новых методик в исторических исследованиях. Процедура исследования должна выстраиваться на основе экспликации применяемых *понятий* – развернутого объяснения истории их разви-

тия и вариантов использования в традиционной практике, а также возможностей реализации их неисчерпанного потенциала при четком определении их эвристических границ.

Перспектива осмысления категории *региональная историография* может включать несколько линий: 1) экспликация обеих составляющих понятия – *историография* и *региональная*. При этом следует рассматривать историю применения этих терминов с учетом национально-региональной специфики (отечественная и российская традиция – западная наука); 2) онтологический аспект данной категории: ее соотнесение с реальным явлением – о какой «вещи» свидетельствуют символы о символах? 3) гносеологический аспект – определение ее предметного (проблемного поля) в границах познавательной деятельности: «территория» *региональной историографии* на когнитивном уровне; 4) логико-методологический аспект – выработка моделей анализа и синтеза, описания и объяснения явлений (и их взаимосвязи), составляющих исследовательский интерес историографов-регионалистов; 5) формирование системы категорий (на основе категориального синтеза), «работающих» в трех блоках проблем: онтологических, гносеологических и логико-методологических; 6) структурирование категориального аппарата по уровням категорий и определения диапазона их применения: /1/ собственно регионально-историографические; /2/ историографические (из сферы истории исторической науки); /3/ из сферы исторической науки – специально-научные; /4/ из сферы регионалистики (в данном случае – также специально-научные); /5/ из сферы социогуманитарных дисциплин; /6/ из сферы естественнонаучного знания; /7/ общенаучные.

Известен расхожий рефрен: о терминах не спорят, о них договариваются. Безусловно, в нем – отражение нормативов когнитивной институционализации. Однако, процесс этот сложен и «договор» превращается в многоактное действие, в котором сталкиваются разные силы и мнения, а в результате часто получается то (как сказал некто из великих), чего никто не хотел. Но может быть в этом и заключается *Предопределение?*..

-
1. См.: Джахая Л.Г. Место научной теории в дисциплинарных структурах // Наука и наукознание. – 1994. – № 1–2. – С.21.
 2. См.: Корзун В.П., Рыженко В.Н. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов России // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. – СПб, 2000. – С. 36–37.
 3. См.: Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Там же. – С.14; Рыженко В.Г. Культурный потенциал региона: Поиски историков в новом проблемном поле // Там же. – С.60.
 4. См.: Шмидт С.О. Указ. соч. – С.14.
 5. Там же; См. также: Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1992; Филимонов С.В. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / Под ред. С.О.Шмидта. – М., 1991 и др.
 6. См.: Тронько П. Историчне краєзнавство: крок у нове тисячоліття (досвід, проблеми, перспективи). – К., 2000; Верменич Я. Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. – Київ, 2003. – С.54–55.
 7. См.: Середа Н.В. Регионалистика и краеведение в контексте развития современной исторической науки // Методология региональных исторических исследований. – С.50.
 8. Там же. – С.50–52.
 9. См.: Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики. Сборник научных статей. – К., 1991. – С. 3–4.
 10. См.: Ковальский Н.П. Историческое краеведение и специальные исторические дисциплины // Там же. – С.31; Рыбаков М.А. О некоторых вопросах исторического краеведения // История СССР. – 1980. – № 4. – С.217.
 11. См.: Клубков П.А. «Регион», «край», «краеведение» как слова и понятия // Методология региональных исторических исследований. – С. 23.
 12. Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Там же. – С. 14.
 13. См.: Клубков П.А. Указ.соч. – С.23–24.

-
14. Там же. – С.24.
15. Там же. – С.24–25.
16. В английском языке точный лексический эквивалент, который бы полностью соответствовал немецким и русским терминам, не сложился. См.: Стефан Коткин (Принстон, США). О краеведении и его методологии // Там же. – С.16–22.
17. См.: Специальные исторические дисциплины. – К., 1992. – С.161–162.
18. Толковый словарь русского языка / Под редакцией проф. Д.Н.Ушакова. – М., 1935. – Т. 1. – Стб. 1494.
19. См.: Тронько П.Т. Краєзнавство у відродженні багатівікових культурних традицій українського народу // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура (Наук. допов. та повідом.)». – К. – Харків, 1997. – Частина 1. – С.6–12; Краеведение историческое // Спец. истор. дисциплины. – К., 1992. – С.159; Тронько П.Т. Вступительное слово // Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века). Биобиблиограф. исследование. – Симферополь, 2000. – С.3;
20. См.: Корзун В.П., Рыженко В.Н. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов России // Методология региональных исторических исследований. – С. 36; Куделко С.М. Методи історичного дослідження в краєзнавстві // Історія України. Маловідомі імена, події, факти (Зб. ст.). – К., 1999. – Вип. 8. – С. 335–337.
21. См.: Козлов В.Ф. Организационные основы современного вузовского краеведения // Методология региональных исторических исследований. – С. 32–34.
22. Колесник І.І. «Регіональне» як чинник формування української національної історіографії // Записки истор. фак-та ОГУ. – Одесса, 1995. – Вип. 1. – С.66.
23. См.: Репина Л.П. Локальные исследования и национальная история: проблемы синтеза // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – Вып.1. – С.150–153; Колесник І.І. Вказ. пр. – С.66–68
24. См.: Колесник І.І. Вказ. пр. – С.68–69; Її же. Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. – К., 2000.).

25. Колеснік І.І. «Регіональне» як чинник формування української національної історіографії. – С. 69–78.

26. Там само. – С.79.

27. Там само. – С.78–79.

28. Верменич Ярослава. Регіональна історіографія: зміст і структура поняття // Історіографічні дослідження в Україні. Випуск 11. К., 2002. – С.253–254; Її же. Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. –Київ, 2003. – С.54.

29. См.: Проблеми провінціології. Міжнародний науково-практичний семінар. – Чернівці, 1996; Методология региональных исторических исследований. – СПб., 2000. – С. 49, 60–61; Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска. Библиограф. словарь. – Омск, 1999.

30. См.: Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. – М., 1972; Современная западная социология науки. Критический анализ. – М., 1988; Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. – М., 1988. – С. 234–240; Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX-XX вв. – М., 1987. – С.7–8.

31. См.: Колесник И.И. Философия и культурология: пути обновления историографии // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 592–601; Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII-XX веков. Сб.ст. – Брянск, 1996.- С.42–51 др.

32. См.: Методология региональных исторических исследований. – СПб., 2000. – С.47–49, 59–62 и др.

33. Корзун В.П. Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции – С.47.

34. Там само. – С.48–49.

35. Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. – М.; Киров, 1995. – С.314, 336, 353–354; Макарихин В.П. Историческая мысль российских провинций на рубеже XIX-XX вв. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 109–116.

36. Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. – С. 315, 318, 338.

37. Пашков А.М. Историческое краеведение Карелии конца XVIII

– начала XIX века как социокультурное и историографическое явление // Методология региональных исторических исследований. – С.85–87; Корзун В.П., Рыженко В.Н. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов России – С. 36–37.

38. Поппер К. Нищета историцизма. – М., 1993. – С.167.

39. См.: Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века). Биобиблиограф. исследование. – Симферополь, 2000.

40. См. подробнее: Попова Т. Историографический процесс: к экспликации понятия // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського: У 2 част. / Відп.ред. М.Ф.Дмитрієнко. – К., 2001. – Ч. 2. – С.323–343; Ее же. Региональная историография: проблемы методологии // Библиотечное дело и краеведение: Сб. науч. тр. / Ред колл.: П.Т.Тронько, А.А.Непомнящий, А.Р.Эмиров и др. – К., Симферополь, 2000. – Вып. 2 – С.143–161.

«В любой истории есть смысл. Я умею найти смысл там, где не видят другие. И история становится книгой живых...Для этого нужно только время»

Умберто Эко. Баудолино.

Санкт-Петербург: «Симпозиум», 2003. С.19–20.

«...если всякий раз, когда лепишь набум что приходит тебе в башку, люди объявляют, что это самая истинная истина, начинаешь как-то и ты верить» С.37–38.

«...Если я провозглашал, что увидел сирену в море, после того как император отрекомендовал меня в качестве святовидца, люди верили в эту сирену и нахваливали меня за правдивые рассказы!

– Это научило тебя взвешивать слова.

– Наоборот, это отучило меня их взвешивать. Что бы я ни сказал, все всегда воспринималось как истина, так как было сказано мною» С.43.

«Баудолино даже не знал, или знал, да сразу забыл, его истинное имя, поскольку звался он Поэтом и так его именовали все на свете» С.71.

«Терминология приветствовалась самая редкая, синтаксические конструкции – замысловатые» С.75

«...знание, какова форма Земли, все равно не помогает решить то, что важнее всего правым христианам: каков путь к спасению души» С.82

К.Поппер утверждал, что теория проникает в историческое исследование через терминологию (Поппер К. Нищета историцизма.М., 1993.С.167).

См.: Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. – М., 1980. – С.221.

«...теории неявно содержатся в...терминологии».

К.Поппер. Нищета историцизма.

Какие следствия имеет это многообразие и что будет определять линию дальнейших изысканий: стремление к унификации понятий (и их содержания) или терминологический хаос (правда, в контексте постулатов синергетики, это явление следует приветствовать)? Или данная постановка вопроса вообще некорректна? Зависимость от хрестоматийной терминологии, употребляемой в однозначно-определенном контексте, подчас превращает нас в пленников. Методологические пути традиционализма обвивают наш дискурс, не позволяя вырваться из привычно узнаваемого норматива. Разрываясь между нормами и контрнормами, мы, горестно вспоминая Р.Мертон, пытаемся преодолеть амбивалентность своего сознания и сделать наиболее верный, как нам кажется, выбор, который в реалии часто оказывается верным только как приближение в бесконечных поисках «рычага для конструирования»...

...истина очень коротка (все, что потом, – это только комментарий).

Умберто Эко. Маятник Фуко.

Содержание этих понятий включает определенную номенклатуру объектов в своей совокупности представляющих образ целостного явления – совокупного объекта, выступающего под соответствующими именами. На основе нашего образа объекта мы выстраиваем ту или иную модель, которая выступает в виде структуры историографического анализа. Понятия образ и модель не противоречат одно другому, но представляют объект в разных функциональных плоскостях восприятия. Первоначальный образ объекта детерминирует конкретную модель, которая выступает в качестве методологического средства для

познания этого объекта. Мы моделируем объект по определенным позициям, составляющим схему анализа. Но моделируем на основе нашего субъективного восприятия этого объекта – через создание определенного образа, который зависит: от цели исследования данного объекта, уровня общенаучного и специально научного багажа исследователя, теоретико-методологической ориентации, приверженности к той или иной историографической традиции, личностных качеств исследователя – его «категориального профиля» и проч. Использование выстроенной модели закономерно должно привести к уточнению первоначального образа, к его «наполнению», к конкретизации того «содержательного поля», которому тот или иной исследователь «присваивает» избранное им название. На когнитивном уровне пересечение или различие «содержательного поля» («проблемного поля», «предметного поля») объекта, выступающего под одним и тем же наименованием, с позиций полифундаментальной методологии является естественным и эвристически продуктивным фактом. Создавая разные образы одного и того же объекта, предлагая разнообразие его моделирования, исследователи, дополняя друг друга, способствуют утверждению многомерного подхода к познанию этого объекта.

Tatyana Popova

HISTORIOGRAPHY PROCESS IN THE REGIONAL PERSPECTIVE: APPROACHES AND DEFINITIONS

The article is dedicated to the one of weakly investigated problem – historiography process in the regional perspective. The author introduces into practice the line of definitions and uses special terminology, which gives the possibility to study historiography process taking into consideration territorial components. The investigation of theory and methodological problems of historiography promotes further increase of regional study level.

